

Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко

**Интенциональный анализ
идеологии**

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/1, 163-177

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ф. Н. БЛЮХЕР, С. Л. ГУРКО
Институт философии РАН / Москва

Интенциональный анализ идеологии*

Ключевые слова: идеология, дискурс, темпоральность, наука, этика, эстетика, религия
Keywords: ideology, discourse, temporality, science, ethics, aesthetic, religion

Термин «идеология» вновь обретает актуальность. После значительной паузы, когда идеологические объяснительные схемы уступали по употребимости экономическим или культурологическим, мир заново идеологизируется. Анализ идеологий вновь становится актуальной задачей, но наработанных подходов, от марксовской концепции «ложного сознания» до культур-системного анализа К. Гирца, как представляется, уже недостаточно. И прежде всего желательно было бы отойти от отчасти метафизического процесса конструирования различных «идеологических сущностей», вроде консерватизма или либерализма, и попытаться выработать методологические основания для обнаружения и классификации проявлений идеологии, как неустранимой тенденциозности сознания, в конкретных текстах.

Нам представляется, что такие проявления должны иметь характер интенциональных объектов, то есть обнаруживаемых в анализе коррелятов явной или скрытой направленности содержательных фрагментов текста. Спектр таких направленностей может быть весьма широк, так что на данном этапе исследования целесообразно его умышленно ограничить, чтобы получить пусть огрубленную, но объективную картину.

Говоря об интенциональности уместно для начала обратиться к этимологии соответствующего латинского слова, и отметить, что речь идет об интенсии, то есть буквально о напряжении, направленном вовнутрь. И подобно тому, как экстенсия, например, у Августина передается в переводе как «растяжение», в слове *интенция* следует учитывать значение «сжатия», «сгущения», «концентрации». Последний термин с его явной психологической коннотацией естественно

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-03-00605 «Интенциональные характеристики идеологического дискурса»

ассоциируется и с сосредоточенностью, намерением, умыслом. Примечательно, что в юридической практике удостоверяемые свидетельствами признаки предшествующей фиксации на объекте (в виде явных ли угроз, или просто обнаруживаемой враждебности) служат основанием для возможной переквалификации последующего деяния из действия по неосторожности в преднамеренное с соответствующим отягощением судебных перспектив. Сюда же относится и правило поиска мотива в следственной практике.

Человек существо целесообразное. Однако, чтобы данное свойство могло реализоваться нужна полная информация при принятии решения, что в силу ограниченного характера человеческого существования и в индивидуальном, и в родовом смысле – невозможно. Поэтому человек вынужден конструировать полноту.

Условно можно предположить, что существуют два вида конструирования полноты. Первый – исходит из локального опыта существования человека как индивида. Это опыт его собственной жизни, а также рассказы о жизни тех близких, кому он доверяет. Чаще всего это происходит в форме нарратива и мы будем считать данную полноту «исторической». Второй – передается человеку в виде шаблонов, который разделяет референтный для данного индивида круг людей. Эти шаблоны являются основанием для самоидентификации индивида как члена социума, выходящего за пределы его «собственной истории». В качестве такого социума могут выступать корпорация, конфессия, народность, нация, и наднациональная общность (империя, республика или Европейский союз). Этот второй вид мы будем называть идеологией.

С одной стороны, мы исходим из факта потребности общества в идеологии, с другой, считаем, что ни одну идеологию невозможно навязать человеку помимо его воли. Следовательно, остается предположить, что в основании идеологии лежат конкретные вопросы реального человека, при нахождении ответов на которые он использует принятые в обществе шаблоны. Потребность в идеологии наступает для индивида тогда, когда он, в силу каких-либо причин, не в состоянии ответить сам на смыслообразующие вопросы своего существования.

Мы предполагаем, что число этих вопросов ограниченное, потому что отношений, которые обуславливают факт длительного существования человека «как родового существа», немного. И, как любые отношения, они обусловлены не носителями, а характером связи между носителями. Первое – это отношение человека с природой или внешним для него миром, в состав которого могут входить даже другие люди, если отношения между человеком и этими людьми подчиняются исключительно природным законам (всё, что не такое, как «Я»), (например, сексуальный

партнер, который обеспечивает «правильный секс»). Второе, это отношения между человеком и другими людьми, которые основаны на признании того, что другие люди такие же «Я». При этом «человеческое» отношение может распространяться на все, что человек «приручил», будь то домашние животные, растения, машины и другие предметы, не имеющие никакого отношения к собственно социальной сфере (все, что такие, как «Я»). И, наконец, последнее – это саморефлексия по поводу собственного «Я»; оно вторично, т.к. возникает лишь в те моменты, когда в первых двух отношениях возникают проблемы, и достаточно устойчиво, потому что, будучи установленным, существует до следующих серьезных проблем в первых двух сферах.

Вступив в эти отношения, человек вынужден отвечать на ряд вопросов. При этом истинность ответа обуславливается определенной процедурой проверки: как осмысленности самого вопроса, так и адекватности полученного на него ответа. Первичная дихотомия «не Я» и «Я», лежащая в основании отношений, оказывает непосредственное влияние на эти процедуры, постепенно формируя две, не зависящие друг от друга, области исследований: науку и этику. Сложнее с третьим отношением: человека к самому себе как к «Я». По большому счету, никакой процедуры установления объективной истинности данное отношение не предусматривает. Изменение «Я» происходит в результате внутреннего переживания, которое принципиально недоступно процедурам эмпирических проверок. Однако вторичность саморефлексии, порожденной либо внешними по отношению к моему «Я» проблемами, либо проблемами моего «Я» с «Другими как Я», порождает две близких, но отличных друг от друга формы самосознания человека: искусство и религию.

Вопрос, об отношении к внешнему для «Я» миру можно представить как вопрос «как устроен этот мир?». Очевидно, что любая попытка ответить на этот вопрос должна проводиться с помощью конструирования таких категорий, как объект (количество, качество), причина или отношения, в которых он (объект) взаимодействует с другими объектами. Любой эмпирический факт такого исследования должен быть теоретически нагружен, а любая теория должна рано или поздно быть подвергнута эмпирической проверке. Из идеального исследования должны быть удалены антропоморфизмы, а результат сформулирован либо в виде эмпирической закономерности, либо теоретического закона. Соблюдение всех этих правил позволяет получить ответ на вопрос «как именно функционирует предмет», который мы исследуем. В конечном счете, предсказать, как он будет функционировать в дальнейшем.

Этические вопросы возникают в результате решения проблемы: «как вести себя с другим человеком, чтобы при этом оставаться человеком

самому?» Необходимыми категориями, описывающими эти отношения, являются: «субъект», который берет на себя полную ответственность за свои действия, по отношению к другому субъекту; «поступок» (событие), в котором происходит взаимодействие с другим субъектом; «оценка» поступка с точки зрения цели или идеала и «дескриптивное определение» правильности или неправильности данной оценки. «Каждый индивид по поводу каждого своего поступка может, и, оставаясь честным перед собой, даже обязан сказать: «Я мог бы не совершать его», именно данное обстоятельство является источником абсолютизма морального самосознания, универсального характера нравственной ответственности».¹ При этом естественная моральная установка может заменяться ценностно-ориентированной идеологически «правильной» установкой. Важно также что, мораль должна быть принципиально автономна, т.е. не зависеть в своих основаниях ни от одного внешнего по отношению к ней факта, даже если этот научно подтвержденный факт.

Ответ на вопрос «что есть я?» в традиции давала религия. Говоря более общо, этот ответ имеет смешанную – этическое-эстетическую природу. Форма ответа определяется тем, что область этого вопроса есть сфера эмоционального, по существу в религии человек имеет дело исключительно со своими эмоциями и чувствами. Эмоция же не имеет субъекта, она имеет только форму. Дело в том, что эмоция не есть непосредственно данное. Само по себе ощущение не является радостью или печалью, гневом или состраданием. Индивидуальное событие психической жизни делает эмоцией внешняя ему форма, усваиваемая в процессе социализации. Когда-то это называлось «воспитанием чувств». Представление о том, что есть не только аффект, но и то, что аффицируется, необходимо приводит к субстанциалистскому пониманию души. Против чего есть веские возражения, резюмируемые критической философией. То есть ответ на вопрос «кто я?» может строиться двояко: либо как «я тот, кто...» – здесь должно следовать не просто указание на определенное действие, но и утверждение необходимости или хотя бы постоянства такого действия. Но это будет этическое конструирование субъекта. Альтернативный вариант построения ответа будет «я такой...». То есть будет представлять указание на форму. И основной вопрос будет в том, соответствует ли конкретное переживание определенной форме или не соответствуют. Этот ответ человек не понимает, а переживает. И именно переживание удостоверяет для него истинность ответа. Соответственно возникает проблема постоянства переживания, которая оказывается неразрешимой в силу естественной психологической изменчивости субъекта и бесконечности объекта.

¹ А. А. Гусейнов, *Что я должен не делать?*, «Философский журнал» 2012, № 2 (9), с. 59.

Так как действительность, которой задаются данные вопросы, осмысленна, – сам вопрос принимает целесообразную форму: «за что я страдаю?» Это вопрос об определенности «Я» через соотнесенность его перспективы со смертью и жизнью социального слоя, сформировавшего уникальность данного «Я». Мы способны сопереживать чужому горю, но лишь свое собственное горе ставит перед нами проблему «переживаемости мира». Смерть и страдания близких тебе людей обесмысливают твою жизнь. Ведь смысл жизни «Я» задается не из себя, его определяют люди, которые либо выступают для него как авторитет, либо для которых оно является авторитетом. И, если смерть прерывает эту связь, то вне данной ответственности социально-психологическая жизнь теряет смысл. Однако ни смерть, ни страдания невозможно предотвратить. Их причина может быть обезличенна, а справедливое отмщенье невозможно или бессмысленно. Поэтому формой ответа становится наделение естественной социальной ситуации сверхъестественным, трансцендентным (часто природным) смыслом, но при сохранении обращения к этому трансцендентному как к субъектному. «Что я сделала тебе, почему ты так относишься ко мне?» или «Господи, помоги».

Тем самым в религии происходит как бы удвоение мира. Духовная потребность через переживание участия в ритуале порождает веру в Бога, как в определенную Картину Мира, чтобы получить объяснение, которое помогает пережить (выстрадать) возникшую духовную потребность. Человек, при помощи религии переходя через переживание из мира имманентного в мир трансцендентный, получает объяснение своей собственной имманентности. Именно поэтому конвертация религий невозможна, т.е. религиозный человек признает, что любой другой человек религиозен, но будет настаивать на истинности именно своей веры, т.к. в конечном счете, она имманентна именно его переживаниям.

Комплекс религиозных представлений, создающий образ космического порядка, есть в то же самое время комментарий на земной мир социальных отношений и психологических процессов. Он делает их доступными пониманию. Но эти представления больше чем комментарии; они также – шаблон. Они не просто объясняют социальные и психологические процессы с точки зрения космоса... – они формируют их.²

Искусство в миметической форме дает возможность человеку осмыслить и принять свое отношение к миру таким, каким он (мир) может быть. В силу ограниченности реальной жизни, человек, потребляя

² К. Гирц, *Интерпретация культур*, Москва, 2004, с. 143.

произведения искусства, в превращенной форме удваивает или даже утраивает свою жизнь, оказываясь в тех ситуациях, в которых никогда в реальности оказаться бы и не смог, например, при рождении младенца в Назарете или на тexasском ранчо наедине с маньяком. При этом, так как переживания человека даны ему непосредственно в ощущениях, эстетическая форма хотя и не отождествляется с реальной жизнью, тем не менее неотделима от этой реальности и в иных случаях может стать «единственной ценной» реальностью в переживании прожитого.

В отличие от искусства, религия утверждает, что рефлекторная форма, в которой осмысливается положения «Я» среди других «таких же Я», и является единственно действительным миром. Мимесису искусства религия противопоставляет «факт» чувственного переживания человеком «осмысленности» действительности в антропоморфной форме ее «целесообразного» устройства.

Поскольку человек целесообразен, во всякой человеческой деятельности должна присутствовать некая внутренняя нацеленность, явное или неявное намерение. То есть интенция оказывается проявлением имманентности цели для любой деятельности человека. Декларируемая или осознаваемая цель актора может не совпадать с целью, обнаруживаемой в анализе действия и удостоверяемой закономерным с точки зрения аналитика результатом действия, то есть причинно обусловленный результат может быть приписан действию как одна из имманентных целей.

Порождение текстов (если исключить крайности, вроде псевдослучайного порождения текста компьютерной программой или случаев явной психопатологии, таких как глоссолалия) есть деятельность типично человеческая, а, следовательно, целесообразная. Следовательно, автор текста, наряду с декларируемыми или осознаваемыми целями, предъявляет в тексте и скрытые цели, возможно, доступные анализу. Если отрешиться от понятия «автор» и связанных с ним психологических интерпретаций, речь можно вести о явной и скрытой семантике текста. Уместно вспомнить о существовании формализованных математических методов обнаружения латентной семантики, использующихся, например, для классификации, каталогизации и структурирования текстов для последующих процедур семантически-ориентированного поиска и аналитического сопоставления текстов.

Мы склонны предположить, что при анализе определенного рода текстов, которые мы маркируем как «идеологические», существуют некие закономерности, находящие выражение в использовании стандартизированных языковых средств.

Итак, мы можем выделить четыре формы, в которых существует идеология: наука, этика, религия и эстетика. Напомним, что под

идеологией мы понимаем «использование принятых в обществе шаблонов» для объяснения вопросов, выходящих за пределы индивидуальных возможностей человеческого разума. Именно поэтому идеология является сферой коммуникативного взаимодействия членов определенных этосов, вне которых данные шаблоны могут казаться лишенными смыслов.

Как было отмечено выше, характеристика отношений обусловлена не носителем отношений, а характером связи между носителями. Отсюда вытекает, что научные знания могут быть использованы в религиозной форме идеологии, а отдельные элементы религиозной формы, например, представление о единственности каузальной причинности, могут приниматься учеными со степенью некритичности, свойственной религиозным мыслителям. Подобную замену мы будем называть превращенной формой.

Тем не менее, мы склонны предположить, что различные части идеологии имеют различную темпоральную направленность. «Наука» и «религия» выполняют, по существу, одну и ту же задачу, обе сферы описывают «возможное будущее». Наука – в виде эмпирических следствий, из ранее открытых теоретических законов или эмпирических закономерностей. Религия – в форме объяснения «целесообразного» устройства человеческой жизни и соответственно антропоморфизации внешнего по отношению к человеку мироустройства. Однако, «возможное будущее» не может существовать только само по себе. В реальности идеология должна помогать при решении проблем, которые ставит перед человеком «настоящее». Поэтому «наука» и «религия» дополняются «этикой» или «эстетикой». По существу, мы получаем четыре возможные идеологические пары: «наука – этика», например, социалистическая идеология; «наука – эстетика», возможно, в этом суть современной либеральной идеологии; «религия – этика», то, что на Западе принято считать право-консервативной идеологией; «религия – эстетика», по всей видимости, является основой различных субкультурных образований: хиппи, современного западного буддизма, эмо и других.

Мы выдвигаем гипотезу, что различные формы идеологии используют специфические языковые средства для передачи своего содержания. Так, «религия», как и «наука», не могут обойтись без субстантивирующих существительных, описывающих «действительность» при помощи терминов или «понятий». Разница между этими средствами заключается в том, что наука постоянно ограничивает сферу применимости того или иного термина, например, «инерциальная пространственно-временная система отсчета» в классической механике, в то время как в религии термин часто приобретает сакральный смысл, например, «Бог» или «грех», суть которого невозможно понять без участия в определенной культовой практики.

Безусловно, самым ярким проявлением «научности» текста является форма доказательства, однако мы должны констатировать, что использование силлогистики или правил вывода доступны и сугубо религиозным текстам. Возникает вопрос, как нам относиться к такому роду текстов? В силу того, что мы исследуем форму, в которой существует идеология, мы должны согласиться, что тексты Фомы Аквинского, включая доказательства бытия Бога, являются для нашего анализа «научными» текстами. Точно также к научной форме мы отнесем все ссылки на эмпиризм или на легко проверяемые факты, имевшие место в действительности.

Сакральность религиозного текста проще всего продемонстрировать на примере включения в текст вставок из священных текстов или использования специальных слов, например, вставляемых в текст, написанный мусульманином, которые он обязан употреблять при упоминании в тексте Аллаха. Однако «религиозность» идеологии не обязательно совпадает с конфессиональностью. Мы должны допустить, что ряд понятий и даже научных терминов могут использоваться в сугубо религиозном смысле. Так как сакральность претендует на объяснение с точки зрения вечности, любое некритичное использование специального термина для объяснения неизбежности наступления будущих событий без учета возможных изменений параметров переменных, составляющих суть данного события,³ делает использование данного термина религиозным.

Для примера рассмотрим отрывок из речи Г. Димитрова на Лейпцигском процессе⁴.

Далее, также совершенно правильно, что я – за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата. Я глубоко убежден, что в этом спасение и единственный выход из экономического кризиса и военной катастрофы капитализма.

В первом предложении Димитров делает фактическое утверждение, что как коммунист он выступает за конкретные формы решения социального переустройства общества, что соответствует действительности и позволяет рассматривать нам данное утверждение как «научное». Во втором, вопреки учению Маркса, утверждает, что это единственный путь к спасению из будущего капиталистического коллапса, что придает его высказыванию религиозное значение.

³ Особенно отчетливо это положение видно при анализе заключительного слова на суде А. Брейвика, где подсудимый, употребляя понятия «европеец», «культур-марксизм», «демография», использует их в качестве имен собственных, имеющих скрытые формы внутренней активности, т. е., по существу, мифологизирует абстрактные термины.

⁴ «**Научную**» форму идеологии мы выделяем жирным шрифтом, а «религиозную» – курсивом.

«Эстетика» в силу эмоционального воздействия на окружающих не может обойтись без активного использования оценочных выражений или прилагательных, даже когда сознательно ставит задачу их удаления из текста. «Этика» же выражается в виде отрицательной предписывающей формулы, обращенной прежде всего к говорящему, например, «я не могу этого сделать (не сделать)». Проиллюстрируем данное положение отрывком из вышеупомянутой речи Димитрова.⁵

Я защищаю себя самого, как обвиняемый коммунист. Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь. Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни. Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово – это, так сказать, кровь от крови и плоть от плоти моей. Каждое слово – выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам.

В двух первых предложениях речь идет о защите себя как члена коммунистической партии, что в идеологической атмосфере процесса «ухудшало» позицию обвиняемого, поэтому мы считаем данный отрывок «этическим». В двух последующих дается сакральная трактовка идейной позиции обвиняемого. Наконец, последние два предложения носят откровенно риторический характер и произносятся с целью создания определенного художественного эффекта.

Исследователь идеологии сталкивается в работе с определенным парадоксом отбора материала. Любой текст в той или иной мере идеологичен, рассматриваем ли мы как текст, к примеру, литературное произведение, кинофильм или монументальную скульптуру. Но, приступая к анализу подобного текста, мы невольно попадаем в «герменевтический круг», поскольку анализируем идеологию с точки зрения уже имеющихся идеологий. Частично именно поэтому наши «идеологические» споры столь безрезультатны, участники данных споров, не без оснований, подозревают друг друга в «необъективности» и предвзятости. Поэтому для начала целесообразно отказаться от анализа любых материалов, «текстуализация» которых может осуществляться различными способами, а, следовательно, зависит от промежуточной субъективной интерпретации, вроде уже упомянутых кинофильма и монументальной скульптуры, и ограничиться собственно писанными текстами.

⁵ При этом «эстетический» текст выделим жирным курсивом, а «этический» – подчеркиванием.

Однако из анализа должны быть исключены художественные тексты. Основная функция идеологии – создание шаблонов с целью коммуникативной стратификации общества: «Свои» / «чужие», «современные» / «отсталые», «друзья» / «враги» и т.п. Разумеется, в качестве идеологических шаблонов могут быть использованы и художественные тексты, но основной адресат художественного текста – читатель и, ради того, чтобы текст был им прочитан, автор склонен использовать любые средства, задаваемые логикой произведения. То есть, идеологический пласт в художественном произведении часто используется инструментально, входит в качестве компоненты в состав художественной конструкции, выступая, следовательно, в несобственном значении, например, играя роль эмблемы (места, времени, социальной группы и т.д.).

С другой стороны, нежелательны для анализа и тексты, которые в той или иной мере могут быть охарактеризованы как «научные». Подобно тому, как художественные тексты, если и прибегают к «доказательности» как приему, в действительности же черпают свою убедительность скорее из выразительности применяемых средств, тексты научного типа используют образность лишь как вспомогательное средство. Поэтому если и допустимо искать в этой побочной стилистической составляющей указания на идеологическую компоненту научного дискурса, вычленение ее затрудняется тем же несобственным характером функционирования идеологем.

Вероятно, более естественной средой функционирования идеологического дискурса должны оказаться тексты по жанру равноудаленные и от «художественности» и от «научности». В этом качестве могла бы выступать публицистика (прежде всего – политическая) или речи политиков. Первая, однако, тяготеет к художественности, а, следовательно, к ним, хотя бы отчасти, применимы высказанные выше соображения о литературных текстах, вторые же демонстрируют использование идеологии в искусственно облегченных условиях монолога, в лучшем случае содержащего неявные отсылки к конкурирующим идеологическим построениям, представленным в заведомо ослабленном, проигрышном виде.

Тогда наиболее явно идеологичность текстов будет представлена там, где есть подлинный конфликт, или, по меньшей мере, формальная состязательность. На наш взгляд именно тексты, порождаемые в судебной практике, вынужденно облекаются в максимально идеологизированные одежды: форма «доказательства» используется для порождения запоминающихся образов, а «образность», в свою очередь, служит построению доказательств. Кроме того, серьезность ставок и реальность оппонента в судебном состязании не позволяют дискурсу уклониться ни в сторону беспристрастной «научности», ни в сторону безответственной

«художественности». Можно сказать, что идеология – это «место войны» в тексте. Это замечательное свойство судебного дискурса делает его идеальным лабораторным материалом для анализа идеологий.

Для текстов заведомо идеологических, таких, например, как политические декларации, наличие скрытой семантики можно предвидеть с тем большим основанием, что целостный идеологический комплекс вынужден сочетать большую степень связности, в сравнении с обыденной речью, с меньшей ограниченностью нормами в сравнении, к примеру, с научным текстом, традиционно подчиняющимся требованиям формальной логики или научной методологии. Следовательно, можно ожидать, что, анализируя идеологические тексты, мы сможем выделить не обнаруживаемые авторами интенциональные комплексы, которые будут указывать, говоря языком феноменологии, на «сами предметы» таких текстов.

В настоящем анализе мы заинтересованы в выявлении наиболее общих форм направленности идеологического текста, которые будут соотнесены не с частными элементами построения данной конкретной идеологии, но с планом формальной организации идеологических текстов как таковых. Предлагаемая нами методика требует отыскания указаний на фрагментарную псевдонаучную, квазиэтическую, псевдорелигиозную и квазиэстетическую оформленность исследуемых текстов.

Важно отметить, что искомые общие формы отличаются от жанровых или стилистических особенностей текста, то есть мы предполагаем искать не лексические или синтаксические особенности текста, но исключительно семантические его характеристики. Естественно, это вынуждает выделять в тексте смысловые фрагменты, размер которых может варьироваться от устойчивых словосочетаний до целых абзацев. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что на настоящий момент мы не располагаем единицей фиксации дискурсивного смысла для сравнения различных форм идеологий. Чаще всего такой единицей должна выступать законченная мысль, выраженная в форме абзаца. Но в большинстве случаев из-за развитой риторической культуры обвиняемых анализ необходимо приводить на уровне предложения. В отдельных же случаях смысл риторического высказывания может передаваться удачно найденной метафорой (метонимией или оксюмороном) и единицей анализа становится словарная пара (существительного с прилагательным).

Для проверки гипотезы мы взяли «заключительные речи» на процессах Pussy Riot (Н. Толоконникова, Е. Самуцевич), А. Брейвика, М. Ходорковского, Е. Хасис и Димитрова, выделили дискурсы различных частей идеологии и подсчитали их процентное соотношение друг к другу. В силу ограниченности объема статьи мы можем продемонстрировать наш анализ

лишь на относительно небольшом тексте «заключительного слова» Хасис. Демонстрация анализа «заключительных слов» Димитрова, Ходорковского, Брейвика и Толоконниковой существенно превзойдет нормативный объем статьи.

Речь Хасис была произнесена в рамках суда по поводу убийства адвоката С. Маркелова и журналистки А. Бабуровой.

Буквально вчера или позавчера (не могу точно сказать, в связи со своим состоянием я немножко путаюсь) я прочитала статью, в которой было сказано, что присяжным заседателям на протяжении всего процесса демонстрировали разного рода фотографии, *зачитывали провокационные материалы из Интернета*, причем зачитывали именно те, которые *показывали нас в плохом свете*.

Я не знаю, правда это или нет, но я до последнего буду верить, что даже если это и так, это все-таки никак не повлияет на мнение каждого из вас в будущем.

Я не могу знать всего, что происходило. Но исходя из того, что было до меня донесено, я также знаю, что вам показывали и фотографии Никиты Тихонова, на которых Никита был изображен с татуировками.

Я скажу, какие татуировки есть у Никиты на самом деле. Одна из них – это моряк на правой руке. Также есть эскизы к русским былинам. На груди – большое сердце [...] Никаких фашистских знамен, никаких нацистских орлов и прочей атрибутики у Никиты нет. Я знаю его тело полностью.

В течение всего этого процесса действительно было много неисследованных доказательств. Просто потому, что это доказательства нашей невиновности.

При этом **очень немного было сказано того, что действительно не имеет никакого отношения к рассматриваемому делу. Да и препарировали наши личности, наверное, и всю нашу жизнь. Попытки вытащить из нашей жизни, личной, частной, наших знакомых, все самое нелицеприятное, что только можно.** При этом использовались и СМИ, и много чего еще. Я за 17 месяцев, проведенных в тюрьме, имела возможность взглянуть на свою жизнь со стороны. На жизнь Никиты со стороны, на нашу совместную жизнь. Я понимаю, что грязь просто так не может литься, что она берется оттуда, что если столько плохого было сказано в наш адрес, но, наверное, мы не идеальны. Это правда. И я, и он в этой жизни совершали ошибки, и я, и он во многом не правы были. И многие вещи нам стоило бы поставить в вину, но мы никого не убивали. Почему же те люди, которые действительно убийцы, в том числе и те, которые сидят сейчас в высоких кабинетах и решают наши судьбы и всего нашего народа, у которых руки по локоть в крови, сегодня чувствуют себя прекрасно и, наверное, даже хихикают. И над нами, и над потерпевшими, и над всеми остальными. Не знаю, на каких курортах отдыхает Горячев, на каких курортах отдыхают его кураторы из администрации президента. Я тем более не знаю, чем сейчас

занимается Рамзан Кадыров и сколько трупов он складывает у себя, но зато я прекрасно знаю, что когда в 2009 году я решила заниматься правозащитной деятельностью и создала «Русский вердикт», я приняла правильное решение. Я никогда не сверну с этого пути. Вы говорите: как ты можешь защищать русских националистов, на них же по 20 трупов, а я вам отвечаю, на них их будет еще и по 50. И еще столько же навешают сверху. Вы говорите мне: как ты можешь защищать бомбистов. А ничего, что их судят по статье «терроризм» за то, что они подорвали заброшенные железнодорожные пути?

Вы спрашиваете меня о том: зачем же ты защищаешь этих маньяков? А я вам отвечаю, что **на этих маньяков вся их маньячность повешена дядьками в погонах. Эти маньяки сидят сейчас в автозаках с большими глазами постаревшими**, хотя им по 15–16 лет, никаких убийств они в этой жизни не совершали вообще. *Но это же всем так удобно – свалить всю ответственность на детей. Если вы думаете, что, посадив меня и Никиту на пожизненное заключение, что-то в этой стране измените, вы ошибаетесь. Рано или поздно эти дети вырастут, рано или поздно они станут взрослыми. Это сейчас им нечего вам сказать, господин прокурор. Они вырастут – и смогут, и поверьте, они будут гораздо сильнее, чем вы. Потому что те испытания, через которые им пришлось пройти, гораздо сильнее, чем то, что вы чуточку видели.*

Но в то же время за эти 17 месяцев я поняла, что деятельность правозащитного центра «Русский вердикт», по сути, сейчас олицетворяет собой поговорку «вода камень точит». Потому что если мне даже не дают сказать последнее слово, то о каком вообще правосудии, о каком праве мы говорим?

Так вот, к сожалению, **главное обстоятельство по данному уголовному делу это то, каким образом ведут себя на протяжении всего расследования и судебного производства господа прокуроры и господа судьи. Это единственное обстоятельство, которое заставляет нас сегодня находиться в тюрьме.**

И это тоже не имеет никакого отношения ни к праву, ни к закону.

Как разбиение на семантические единицы, то есть семантический анализ, так и атрибуция этим элементам того или иного интенционального содержания предполагает значительную долю интерпретативного произвола. Однако, можно надеяться, что именно ограниченность спектра отыскиваемых интенциональных форм позволит компенсировать влияние этого фактора. Мы настолько огрубляем этот спектр, что значимость ошибки исследователя при выборе или атрибуции фрагмента скрадывается самой формой спектра анализируемых предпочтений. Мы ограничиваем инструментарий анализа несколькими фигурами, поддающимися дискуссионной проверке «научный – ненаучный», «сакральный – несакральный», «этическое требование», «эстетический эффект».

Нами получены следующие результаты, которые мы продемонстрируем в таблице.

Фамилия	Научный ⁶ дис курс. Кол. знаков и %	Этический дискурс. Кол. знаков и %	Религиозный ⁷ дискурс. Кол. знаков и %	Эстетический дискурс Кол. знаков и %	Всего знаков маркирован ного текста и % к общему объему текста
Голоконникова	2388 13,8%	293 1,7%	3833 22,2%	6912 40,0%	17252 77,7%
Самуцевич	1468 30,0%	299 6,0%	151 3,0%	1468 30,3%	4848 91,0%
Хасис	392 10,7%	322 8,8%	890 24,3%	998 27,3%	3644 71,1%
Ходорковский	1588 17%	454 4,9%	49 0,5%	4104 43,9%	9354 66,3%
Димитров	2529 28,5%	1703 19,1%	831 9,3%	1846 21%	8873 77,9%
Брейвик	3044 15,0%	2492 12,2%	7909 38,9%	3767 18,5%	20365 84,6%

Полученные результаты показывают, что первоначальная гипотеза о наличии четырех типов идеологии получает подтверждение. По крайней мере, интенциональность четырех идеологических позиций: Димитрова (социалистическая), Ходорковского (либеральная), Брейвика (право-консервативная) и Толоконниковой (субкультурный синкретизм) подтверждают полученные результаты. С другой стороны, анализ речей Хасис и Самуцевич показывают, что идеологическая направленность речей обеих обвиняемых не соответствует идеологическому шаблону представляемых ими позиций (Хасис – член националистической организации, а Самуцевич – участник панк группы). В свете полученного нами результата становится понятным «нелогичность» поведения Самуцевич на процессе (смена адвоката и смягчение наказания до условного). Ее собственная идеологическая позиция гораздо ближе к либеральной, поэтому в какой-то момент она выбирает для себя наиболее «рациональную» линию поведения. В то время как Хасис, по всей видимости, случайный человек в националистической среде, увлеченный в нее скорее свойственной ее возрасту романтикой, чем устоявшимися идеологическими предпочтениями.

На данном этапе мы умышленно отбирали для анализа тексты идеологически определенные, такие как последнее слово подсудимого в политическом процессе. При этом мы исходим из предположения, что латентная идеологическая форма таких текстов не должна непременно

⁶ В соответствии с требованиями статьи 336 и 292 Уголовно-процессуального кодекса РФ речь подсудимого может быть основана только на анализе доказательств по делу. Поэтому научный дискурс (в смысле объективного изложения) принципиально неустраим из жанра заключительного слова. Можно сделать условную корреляцию постоянно присутствующего процента научного дискурса в данном жанре.

⁷ Процесс PR связан с нарушением религиозной обрядовости, поэтому определенный процент сакрального дискурса, присутствующего в речи подсудимых, связан с особенностями конкретного юридического дела.

совпадать с декларируемой идеологией автора, например его политических предпочтений. И, как мы считаем, нам удалось подтвердить это предположение в количественном эксперименте.

Если позволено будет предложить визуальную метафору, соответствующую применяемому методу, это будет нечто вроде разбиения множества точек в системе координат на связанные домены, для каждого из которых можно ввести понятие направленности, совпадающей с ориентацией большей оси области, ограничивающей соответствующий домен. Отнесение точек к домену при этом иллюстрирует выбор семантических единиц текста, а приведение направлений ориентации доменов к базовым осям – атрибуцию идеологических форм. Полученная векторная схема в этом случае представляла бы собой «идеологический скелет» текста.

Intentional analysis of ideology

The hypothesis is proposed that a variety of discursive manifestations of ideology can be described by means of a fourfold schema in which each of distinct implications of ideological discourse falls within one of four categories that can be phenomenologically marked as “scientific”, “ethic”, “aesthetic” and “religious”, correspondingly. We argue that due to the difference in temporal orientation of those four forms they are systematically combined in pairs where “ethic” and “aesthetic” forms explain a “meaningful present”, while “religious” and “scientific” are responsible for a “possible future”. As a result, there can be only four possible types of functionally complete ideologies. To test our hypothesis, we have checked several obviously ideologically charged texts for the prevalence of definite “ideological discursive forms”, and found out that, in most cases, the pair representing the expected ideology of the author prevails in our schema.